УРБАНИСТИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ В ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

ФАЛАЛЕЕВА Виктория Михайловна
студент–магистрант
АВЕРЬЯНОВА Наталия Александровна
кандидат филологических наук, доцент
Пензенский государственный университет
г. Пенза, Россия

В статье рассматривается урбанистический пейзаж как сложный художественный феномен в литературоведении и культурологии. Анализируются различные подходы к классификации городских образов. Особое внимание уделяется сенсорной многомерности городского пространства, психологизации города через соотнесение внешней среды с внутренним миром персонажа. В работе обосновывается вывод о том, что город в художественном тексте перестает быть пассивной декорацией и превращается в активную смысловую систему, способную влиять на сюжет и судьбу героя.

Ключевые слова: литературный пейзаж, урбанистический пейзаж, город, городской текст, художественное пространство.

Литературный пейзаж обычно трактуется как создаваемое при помощи языковых средств визуальное или мультисенсорное изображение первозданного или содержащего следы человеческого вмешательства открытого пространства, несущее информационную и эмоционально – эстетическую нагрузку [7].

Из приведенного определения можно сделать вывод, что литературный пейзаж как художественное явление глубок и многогранен. Именно поэтому исследователи в области литературоведения неоднократно пытались систематизировать литературные пейзажи, используя различные подходы к их классификации.

М. Н. Эпштейн предлагает несколько классификаций пейзажа: сезонную и ландшафтную (по типу времени или местности), жанрово-стилевую (величественный, унылый, бурный, тихий, таинственный, пустынный, фантастический), по масштабности пейзажа (локальный, экзотический, национальный, планетарный и космический) [15, с. 130]. Одной из наиболее распространенных является классификация пейзажей по локальному признаку, то есть по географическому расположению изображаемых объектов или общему характеру местности.

Урбанистический пейзаж — это сложный, динамичный и многослойный художественный образ городского пространства, синтезирующий его материальную топографию, социально–исторический контекст, культурные коды и субъективное, чувственное и интеллектуальное восприятие персонажа или повествователя. В лингвистике и стилистике художественный текст рассматривается как сложноорганизованная структура, где форма принципиально содержательна, а интеграция языковых единиц порождает появление новых смыслов [5, с. 69]. При этом пространственные параметры текста создают почву для представления целостного художественного мира произведения [13, с. 81].

Как отмечают исследователи под редакцией Л. М. Крупчанова, пейзаж играет разнообразные роли в художественном произведении, как в плане содержания, так и композиции. Его функции определяются стилем автора, литературным направлением, творческим методом писателя, а также родом и жанром произведения [6].

Одной из функций является идейно–художественная функция пейзажа. Она заключается в выражении философских, социальных, эстетических и этических взглядов. Пейзаж как полноценный компонент произведения принимает участие в раскрытии его темы и идейного содержания. Город — не только дома и улицы, результат строительной работы. Он также представляет собой сложный социокультурный феномен, наполненный разнообразной человеческой активностью. Город, с одной стороны, порождает определенные типы литературных персонажей и определяет их черты, а с другой — существует как самостоятельный, живой организм, обладающий теми же правами, что и его обитатели. Исследователи единодушны в том, что среда, в которой живут персонажи, всегда оказывает на них то или иное воздействие. Органическое единство пространственных и временных координат в тексте отражает фундаментальную категорию хронотопа, в рамках которой физические ориентиры наделяются сюжетными, изобразительными и характерологическими функциями [3, с. 234–235].

Нередко урбанистический пейзаж становится неотъемлемой частью произведения, еще одним действующим лицом, которое повсюду следует за главным героем, влияет на него и на читателя. Такой эффект достигается, в первую

очередь, тем, что в художественном тексте широко используются различные изобразительные и выразительные средства языка, чтобы воздействовать на читателя и вызвать у него определенные чувства, эмоции, ассоциации [10, с. 7]. Текстовые категории когезии (связности), когерентности (цельности) и информативности обеспечивают глубинное смысловое единство описания, превращая отдельные лексические единицы в единый топологический каркас [8, с. 24–32].

Развитие концепции урбанистического пейзажа в художественном тексте требует последовательного перехода от общих определений к детальной классификации образов, сформировавшейся в современном литературоведении и культурологии. Одной из фундаментальных работ в данной области является исследование М. Н. Эпштейна, в котором автор анализирует структуру и эмоционально-ценностную направленность пейзажных образов, демонстрируя переход от природных пространств к урбанистическим ландшафтам [15].

Важным теоретическим вкладом в типологию локальных текстов стали труды В. Н. Топорова, разработавшего концепцию «петербургского текста» [12]. Исследователь выделяет специфические архетипы города–лабиринта и города–призрака, в которых физические улицы и дома как бы теряют свою материальность, становятся зыбкими, и на первый план выходит мистика, символы, потусторонняя сила. В рамках архетипа города–лабиринта привычная линейная логика городского пространства нарушается: герой, пытающийся найти выход или добраться до нужного места, неизбежно сбивается с пути, возвращается к исходной точке или попадает в тупик. Городские переходы, дворы–колодцы, набережные и бесчисленные мосты создают эффект замкнутого круга, из которого невозможно выбраться. Архетип города–призрака, в свою очередь, подразумевает, что материальная топография истончается до состояния полуреальности: дома могут казаться картонными декорациями, улицы — бесконечными и пустыми, а прохожие видятся тенями или привидениями. Такая городская среда перестает подчиняться законам физики и здравого смысла, погружая персонажа в состояние кошмара или мистического транса.

В результате город перестает быть просто фоном или декорацией, где разворачиваются события. В русле концепции петербургского текста город предстает как организм, оказывающий определяющее воздействие на судьбу и поступки персонажей [12]. В современной филологии этот аспект тесно связан с геопоэтикой, изучающей механизмы перевода реальных географических объектов и карт на язык художественной прозы и формирование устойчивых культурно-географических мифов [1, с. 17–22; 9, с. 42].

Целостность и многомерность урбанистического пейзажа как художественного феномена обеспечиваются сочетанием различных сенсорных компонентов. Тогда город из статичной картинки превращается в живое динамическое пространство. Исследователь Н. П. Анциферов в своих работах, посвященных «душе города», подчеркивал, что визуальный ряд в литературном произведении неизменно дополняется акустическими и ольфакторными характеристиками [2, с. 46–48]. Звуковая палитра (индустриальный грохот мостовых или, наоборот, специфическая, гнетущая тишина тупиков) в сочетании с характерными запахами (пыль, речная вода, копоть промышленных окраин) формирует устойчивый «эффект присутствия» [2, с. 51]. Более того, пространство мегаполиса может функционировать как гетеротопия — особенное «другое место» со своими правилами, совмещающее противоположные смыслы и выступающее точкой трансформации или кризиса личности [14, с. 191–193].

Особое значение приобретает цвет и работа с вертикальной структурой художественного пространства. Вертикальная организация города в литературном тексте задает систему координат, в которой каждый уровень наделен собственным символическим и эмоциональным содержанием. Верх ассоциируется со светом, воздухом, свободой, интеллектуальной или духовной деятельностью; низ — с тьмой, сыростью, телесностью, подавленностью и страхом. Перемещение персонажа по вертикали (подъем на чердак или спуск в подвал) часто маркирует ключевые моменты внутреннего перелома или принятия судьбоносного решения.

Согласно наблюдениям Ю. М. Лотмана, оппозиция «верх — низ» в структуре городского пейзажа часто служит маркером социальной иерархии или предельного духовного напряжения персонажа [11, с. 216]. Богатые и власть имущие, как правило, населяют верхние этажи, тогда как бедняки, изгои и преступники ютятся внизу, в полуподвалах и подвалах. Однако Ю. М. Лотман обращает внимание и на обратную

семантику: именно внизу, на «социальном дне», нередко разворачивается интенсивная внутренняя работа — страдание, бунт или покаяние, тогда как верх может оборачиваться холодной отстраненностью и душевной пустотой. В этой системе чердаки, мансарды и подвалы перестают быть просто бытовыми локациями, превращаются в значимые локусы психологического напряжения или экзистенциального поиска [11, с. 220].

Психологизация городского пространства тесно связана с «пейзажем настроения»: внешняя среда здесь отражает внутренний мир героя. Теоретическую основу этого подхода заложил Вальтер Беньямин, введя фигуру «фланера» – отстраненного наблюдателя, который бродит по городу, оставаясь чужим среди толпы [4, с. 38–40]. Для такого персонажа улицы становятся личным пространством, а толпа — естественной средой. В результате урбанистический пейзаж работает как психологический параллелизм: то, как герой видит город (искаженно, тревожно, восторженно), напрямую передает его внутреннее состояние [4]. Город в тексте перестает быть объективной реальностью и превращается в сложную смысловую систему, где каждая деталь архитектуры может влиять на развитие сюжета.

Таким образом, урбанистический пейзаж в художественном тексте — это не просто описание города, а многомерный художественный феномен. Город — это не просто пассивная декорация, а активная сила, влияющая на сюжет, поступки и состояние персонажей. Как показано в работах известных ученых, анализ городского пейзажа необходим для полноценного понимания идейного содержания произведения и логики развития героя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашев, В. В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. — Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2000. — 404 с.

2. Анциферов, Н. П. Душа Петербурга / Н. П. Анциферов. — Санкт-Петербург : Лира, 1991. — 249 с.

3. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. — Москва : Художественная литература, 1975. — С. 234–407.

4. Беньямин, В. Бодлер / В. Беньямин. — Москва : Ad Marginem, 2015. — 224 с.

5. Валгина, Н. С. Теория текста : учебное пособие / Н. С. Валгина. — Москва : Логос, 2003. — 280 с.

6. Введение в литературоведение : учебник для вузов / Н. Л. Вершинина, Е. В. Волкова, А. А. Илюшин [и др.] ; под ред. Л. М. Крупчанова. — Москва : Оникс, 2005. — 416 с.

7. Воронин, Р. А. Пейзаж как объект филологического исследования / Р. А. Воронин // Актуальные проблемы современной науки. — Москва : Буки-Веди, 2015. — С. 165–167.

8. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — 4-е изд., стереотип. — Москва : КомКнига, 2006. — 144 с.

9. Замятин, Д. Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов / Д. Н. Замятин. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. — 331 с.

10. Кузнец, М. Д. Стилистика английского языка / М. Д. Кузнец, Ю. М. Скребнев. — Ленинград : Учпедгиз, 1960. — 175 с.

11. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 464 с.

12. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы / В. Н. Топоров. — Санкт-Петербург : Искусство–СПБ, 2003. — 616 с.

13. Тураева, З. Я. Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика) / З. Я. Тураева. — Москва : Просвещение, 1986. — 127 с.

14. Фуко, М. Другие пространства (Гетеротопии) / М. Фуко // Гетеротопия : альманах / сост. и пер. В. В. Анашвили. — Москва : Гнозис, 2006. — С. 191–204.

15. Эпштейн, М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной…»: система пейзажных образов в русской поэзии / М. Н. Эпштейн. — Москва : Высшая школа, 1990. — 303 с.

URBAN LANDSCAPE IN THE IMAGE SYSTEM OF A LITERARY TEXT

FALALEEVA Victoria Mikhailovna
Master's student
AVERYANOVA Natalia Aleksandrovna
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Penza State University
Penza, Russia

The article considers the urban landscape as a complex artistic phenomenon in literary and cultural studies. Various approaches to classifying urban images are analyzed. Particular attention is paid to the sensory multidimensionality of urban space and the psychologization of the city through correlation of the external environment with the character's inner world. The paper substantiates the conclusion that the city in a literary text ceases to be a passive backdrop and becomes an active semantic system capable of influencing the plot and the character's fate.
Keywords: literary landscape, urban landscape, city, urban text, artistic space.